

СПРАВЕДЛИВОСТЬ В ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ИДЕОЛОГИИ

В статье рассматриваются принципы классической либеральной идеологии и причины трансформации ее в постклассический (социальный) либерализм. Автор исследует основные концепции права — теорию естественного права, юридический позитивизм, социологию права — с точки зрения их соответствия исходным принципам либерализма, анализирует изменения концептуальных представлений о роли государственности, проводит сопоставление базовых ценностей либерализма и основных характеристик российской политико-правовой культуры.

A. Gallyamov

JUSTICE IN THE LIBERAL POLITICAL-LEGAL IDEOLOGY

The article views the principles of the classic liberal ideology and reasons for its transformation into post-classic (social) liberalism. The author studies the main conceptions of law — theory of natural law, juridical positivism and sociology of law — in terms of their correspondence to the original principles of liberalism, analyses changes in conceptual views on the role of statehood and compares basic values of liberalism with the main characteristics of the Russian political-legal culture.

По мнению видного мыслителя XX в. К. Мангейма, который воспринял и развил основную посылку марксизма о зависимости общественного сознания от общественного бытия и о социальной обусловленности познания, исторически сложившаяся расстановка социально-классовых позиций и сил обуславливает соответствующий стиль мышления, а значит, и идеологию. При этом идеология сегодня отражает не только внутригосударственную социальную структуру, но и расстановку сил на международной арене, в том числе неэквивалентный информационный обмен (А. С. Панарин). Любая

идеология — это апология существующего строя, поэтому провозглашаемый Западом отказ от ценностей — это не что иное, как утверждение по всему миру именно западных ценностей¹.

Таким образом, идеология неизбежно искажает реальность, но в то же время общественное бытие без нее невозможно, так как любое бытие тесно связано с системой идеалов и ценностей, определяемой идеологией. Поэтому «политика идеологична по самой своей сути как стремление управлять, направлять, контролировать во имя определенной идеи, замысла тех или иных

интересов и целей»². Точно так же идеология связана и с правом, а также юридической наукой, ибо осмысление (как теоретическое, так и практическое) и ориентация в мире, в том числе в правовой реальности, обусловлено господствующим мировоззрением, т. е. идеологией.

Либеральная идеология возникла в XVIII в., хотя сам термин датируется началом XIX в. Его предпосылки можно обнаружить в средневековых свободах-привилегиях, а также дуализме церкви и государства. Однако в политико-юридическое мировоззрение, обуславливающее соответствующий политический курс и тип правопонимания, либерализм оформился в Новое время. Это связано прежде всего с господством обменных отношений, которые обуславливают свободу личности, формальное равенство, эквивалентность обмена и частную собственность (Л. И. Спиридонов) и определяют основные ценности, разделяемые либералами. Одновременно этому же способствовало противостояние новых социальных сил общества (буржуазии) с полицейским государством XVIII в., пытавшимся регулировать все стороны жизни общества. Отсюда две главные исходные посылки — ценности либерализма: свобода личности и ограниченность государства, выражающие содержание справедливости как интегративной категории. Эти ценности коррелируют с формально-рациональной теорией личности и открытого (гражданского) общества, концепцией и практикой модернизации в международных отношениях, теорией государства — «ночного сторожа» и доктриной естественного права. Таковы принципы классического либерализма, которые обусловлены западно-европейским типом общества, основанным на обменных связях и продуцирующие, в свою очередь, определенную политико-правовую практику.

В России вплоть до конца XIX — начала XX в. не было объективных предпосылок формирования обменных отношений, а следовательно, свободы личности, фор-

мального равенства, гражданского общества и других социальных факторов, обуславливающих либеральную идеологию. Так, крестьянство, составлявшее 80% населения России в 1913 г., существовало в условиях общинности традиционного типа. Городское сословие (18% к началу XX в.) в значительной мере изжило общинные отношения, но отдельные его группы — купцы, мещане и ремесленники — в разной степени. И лишь дворянство и разночинная интеллигенция (2%) практически не знали общинной организации частной и общественной жизни и в начале XX в. уже жили по законам современного гражданского общества³. Поэтому можно согласиться с достаточно распространенным в литературе мнением, что либерализм в России — это механическое заимствование чужеродных российской политико-правовой культуре институтов (Н. А. Бердяев, В. В. Леонтович, А. Н. Медушевский, Р. Пайпс, А. С. Панарин, Н. С. Трубецкой и др.).

Либеральное движение в России возникло в середине XIX в. и никогда не имело твердой опоры в народных массах (К. Д. Кавелин, Е. В. Спекторский). Это движение не было однородным, в нем выделялось два основных крыла: умеренный либерализм, представленный В. А. Маклаковым, и радикальный либерализм во главе с П. Н. Милюковым. Неумеренный радикализм последнего — лидера партии кадетов — во многом определил негативное развитие событий в 1917 г. (М. М. Карпович).

Исходными философскими посылками классического либерализма выступали свобода личности, понимаемая «негативно», т. е. возможность делать все, что не противоречит свободе другого (И. Берлин), и открытое (гражданское) общество, создаваемое рационально мыслящими и действующими индивидами по их усмотрению для удовлетворения индивидуальных потребностей. Обе эти посылки вытекают из методологического номинализма — признание реально существующими лишь единичные явления; коллективные образова-

ния — социальные институты — в таком случае — не более чем соглашение отдельных индивидов. Наука XX в. поставила под сомнение эти постулаты либерализма. Прежде всего, была отвергнута вера в рациональную личность, создаваемую благодаря высокой социальной мобильности саму себя. Сегодня не вызывает сомнения вывод что человек — это не *tabula rasa*, а социально обусловленная индивидуальность. Таким образом, личность социально обусловлена культурой общества, находящегося на определенном этапе своего исторического развития. В этом суть психологических концепций Л. С. Выгодского, А. Маслоу, Ж. Пиаже.

Общество, даже если его считать результатом коллективных действий индивидов, отнюдь не создается по плану. Совместные действия сегодня большинством социологов признаются иррациональными, непредсказуемыми. Общество же — еще более сложный феномен, чем коллективные действия, который обладает эмерджентными свойствами, не сводимыми к механической совокупности индивидуальных действий. Одновременно необходимо заметить, что «негативная» свобода личности и связанное с ней открытое общество отрицает роль традиций, а именно последние составляют суть культуры — содержания общества.

Обе эти тенденции связаны с изменениями, происходящими в современном обществе. Это прежде всего формирование мощного среднего слоя населения, а также увеличение правительственной бюрократии, которая заменила во многих отношениях предпринимателя (П. Бергер). Все это обусловило трансформацию классического либерализма в постклассический или «социальный» либерализм.

Наиболее влиятельной концепцией общественно-экономического и политического развития, объясняющей процесс перехода от традиционного к современному индустриальному обществу является теория модернизации. Она отличается евро-

поцентричностью: традиционное общество признается как отсталое, неразвитое, а современное индустриальное — как эталон развития. Большинство теоретиков механизма перехода от первого ко второму типу общества именуют «догоняющим» развитием или вестернизацией. Модернизация в такой форме не учитывает особенности истории, культуры, экономики, политико-правовой сферы страны, воспринимающей воздействие Запада. Такое воздействие проявляется в навязывании западных ценностей, образа жизни, политико-правовых институтов и потому очень часто отторгаются. Поэтому в странах «третьего» мира в 1970-е гг. широкое распространение получила «теория зависимости», в которой показываются негативные стороны вестернизации.

Сегодня модернизация жизненно необходима всем странам, не относящимся к «первому» миру. Ее успех, как показал опыт Японии, Гонконга, Сингапура, Тайваня и Южной Кореи, зависит от возможности использования творческого потенциала собственной культуры, ресурсов традиций данного этноса. На примере Японии показано, что политико-правовая модернизация не сводится к копированию законодательства, а предполагает развитие собственного «живого» права, представленного прежде всего обычаями и традициями.

В XX в. происходит трансформация представлений о назначении, роли и функциях государства. Объективной предпосылкой изменения роли государства явились глобальные проблемы, возникшие в XX в. Это такие проблемы, которые затрагивают все человечество в целом и могут привести к необратимым последствиям. Глобальные проблемы могут быть разрешены только с помощью «глобального управления». Отсюда вытекает необходимость пересмотреть концептуальные представления об изменившейся роли государственности.

До самого последнего времени продолжают сохранять свое влияние различные модификации теории государства как общественного договора (Р. Дворкин, Р. Но-

зик, Д. Роулз), основанного на общественном согласии. Однако более реалистичной выглядит позиция консерваторов, которые утверждают, что как не выбирают родителей и Родину, так же не выбирают действующее на момент рождения законодательство и государственный строй, хотя их можно и нужно критиковать и совершенствовать.

Одновременно в XX в. происходит отказ от идеи государства – «ночного сторожа» в пользу государства всеобщего благоденствия: от минимального вмешательства государства в частную и общественную жизнь – к государству, проводящему активную социальную политику и обеспечивающему централизованное управление обществом. Этому способствовал отказ от «негативной» свободы в пользу «положительного» ее понимания, выражающейся, в частности, в праве на «достойное человеческое существование»⁴.

В основе той или иной юридической концепции – типа правопонимания – лежит определенное исходное философское представление об обществе и человеке, справедливости как отношении между людьми. В связи с этим целесообразно проанализировать три основные концепции права – теорию естественного права, юридический позитивизм и социологию права – с точки зрения их соответствия исходным принципам либерализма.

В Новое время суть естественного права заключается в природе человека. Антропоцентризм естественного права делает его над и до позитивным (В. С. Нерсесянц). Именно такой тип правопонимания наиболее полно соответствует установкам классического либерализма и не случайно одно из политических требований сторонников этой идеологии – утверждение прав человека. При этом права человека понимались как вечная абсолютная ценность, не подверженная историческим изменениям. Таким образом, из абстрактно понимаемой свободы личности вытекает неопределенность в объеме и содержании есте-

ственных прав: сколько их, 10, 20, 50, 100; какие из них соответствуют «природе человека», а какие нет? Поэтому в XX в. теория естественного права трансформируется в доктрину, провозглашающую социальную обусловленность прав человека (Р. Штаммлер). Сохраняющаяся в современной геополитике классическая теория естественного права сегодня служит политике «двойных стандартов», применяемой к различным регионам мира⁵ и полностью себя дискредитировала.

Юридический позитивизм, претендующий на ценностную нейтральность, не коррелирует с какой-либо концепцией личности, как и позитивистски ориентированная социология права, представленная, например, Р. Паундом. Право в обеих концепциях выступает средством (инструментом) в руках политики. Косвенная связь с либеральными ценностями можно обнаружить в нормативизме Г. Кельзена и Г. Харта, представляющем собой юридическую версию логического позитивизма. Однако сегодня эта концепция не выдерживает критики вследствие необоснованности ее исходной аксиомы – «основной нормы» («нормы признания»).

Наиболее обоснованным типом правопонимания представляется теория «живого права» Е. Эрлиха и ее развитие в диалектической социологии права Л. И. Спиридонова. Однако он в гораздо большей степени коррелирует с консервативной идеологией, нежели с либерализмом, так как ориентирован на традиции и спонтанную эволюцию права. Таким образом, классическая теория естественного права, которая ближе всего либеральной идеологии, не отвечает реалиям сегодняшнего дня.

Автор разделяет мнение многих ученых о том, что либеральные реформы в нашей стране в конце 1980-х – начале 1990-х гг., не были подготовлены ни историческим прошлым страны, ни социальной структурой общества (отсутствием среднего слоя), ни характеристикой политико-правовой культуры. Ситуацию усугубляло отсутствие гражданского общества. Поэтому курс на

приватизацию, либерализацию цен, правовое государство был механическим заимствованием западных образцов. Однако при отсутствии социальных условий, либеральные реформы превратились в фикцию.

Тому способствовало также отсутствие позитивной программы у российских реформаторов и демократического движения. Последнее было консолидировано исключительно на негативной основе – на отрицании власти партийно-хозяйственной номенклатуры. При этом от реформ в экономике и политико-правовой сфере ожидали немедленного чуда.

Отсутствие социальной базы реформ привело к тому, что общество, так и не став либеральным, превратилось в номенклатурно-приватизированное.

Результат реформ оказался неутешительным. Главными тенденциями 1990-х гг. в социальной сфере стали снижение уровня жизни большинства граждан и поляризация структуры общества⁶. Поэтому для большинства населения произошедшие перемены остаются весьма болезненными. Общий фон ностальгии по «спокойной, сытой жизни» (до 1985 г.) сохраняется и даже становится более отчетливым⁷.

Проводя сопоставление ценностей либерализма и основных характеристик российской политико-правовой культуры, автор исходит из идеи Л. И. Спиридонова о том, что политико-правовая культура является опосредующим фактором влияния объективных условий существования общества (прежде всего экономики) на политику и право.

Политико-правовая культура (автор считает возможным рассматривать ее в единстве) охватывает все ценности, созданные людьми в политико-правовой сфере и выражается в соответствующих ориентациях (стереотипах поведения), в деятельности по их реализации и результатах этой деятельности. При этом она зависит как от архетипов коллективного бессознательного, уходящего своими корнями в глубокую древность народа, так и от современного состо-

яния общества (экономической и политической ситуации, самосознания нации).

Автор солидарен с В. Н. Синюковым, что российская политико-правовая культура практически по всем фундаментальным параметрам демонстрирует самостоятельность и несовпадение с европейской, исламской и иными политико-правовыми цивилизациями. В русской мифологии, в которой выражается архетипический уровень политико-правовой культуры, отсутствуют такие образы и идеи, которые представлены у греков и римлян в Фемиде, Дике и других персонажах. Славянское противопоставление правды и кривды символизирует долю – рок судьбы, на которую человек повлиять не в состоянии. Общинный коллективизм и патернализм – вот тот глубокий слой российской политико-правовой культуры, который противостоит западному рационально-индивидуалистическому типу, выплеснувшемуся в принципы либеральной идеологии.

События конца 1980-х – начала 1990-х гг. лишь подтверждают этот вывод. Внедряемые политико-правовые институты в большинстве своем оказались недееспособными именно вследствие их отторжения населением, воспитанным на иных ценностях. По данным ВЦИОМ сегодня возросло демонстративное отчуждение человека от государства, и одновременно 71% респондентов считает, что государство должно заботиться о благосостоянии каждого гражданина⁸. Даже если согласиться, что политико-правовая культура изменяется вместе с эволюцией общества, то тем не менее нельзя не признать, что, не смотря на реформы, либеральные ценности сегодня чужды большинству россиян.

Общий вывод состоит в том, что классический либерализм в России невозможен. Социально-ориентированный неолиберализм может иметь шансы на успех, только если будет адаптирован к базовым ценностям российской политико-правовой культуры, ее коллективистскому представлению о справедливости.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Панарин А. С.* Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. – М., 1998. – С. 22, 25.

² Политология: Энциклопедический словарь. – М., 1993. – С. 115.

³ *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. – СПб., 1999. – Т. 2. – С. 291.

⁴ *Новгородцев П. И.* Право на достойное человеческое существование // Сочинения. – М., 1995. – С. 321.

⁵ *Панарин А. С.* Политология. О мире политики на Востоке и на Западе. – М., 1999. – С. 178.

⁶ *Осипов Г. В.* Россия: национальная идея. Социальные интересы и приоритеты. – М., 1997. – С. 30–31.

⁷ *Левада Ю. А.* Десять лет перемен в сознании человека // Общественные науки и современность. – 1999. – № 5. – С. 29.

⁸ *Левада Ю. А.* Указ. соч. С. 30, 31.